

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А 18

АВДОНИНА (Смирнова) Марина Владимировна
Песня-птица : книга I : стихи (1987–1996) / Марина
Авдониная ; составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2017. – 88 с. : ил.

Марина АВДОНИНА

Песня-птица

Книга I

Стихи (1987–1996)

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

©Марина Авдониная (Смирнова)

АВДОНИНА (в замужестве – **Смирнова**) **Марина Владимировна** родилась 14 апреля 1971 г. в пос. Шушенское Красноярского края. С 1973 г. жила в Новокузнецке, закончила среднюю школу № 18. С 1992 года живёт в Москве. Переводчик-фрилансер в различных издательствах: «Центрполиграф», «Полярис», «ЭКСМО».

В КЛФ «Контакт» с 1987 года. Ролевик. Один из организаторов ролевого движения в Новокузнецке.

Первая публикация – стихотворение «Прощание у старта» – в газете «Сельская правда» 16 апреля 1988 года. В 2001 году клубом «Контакт» выпущен сборничек стихов Марины Авдониной «Песни иных миров» – первая авторская книжка КЛФ «Контакт».

На фото – Марина в роли Сейлор Уран (2014 год, Подмосковье).

О Марине Авдониной

С Мариной Авдониной я познакомилась на заседании КЛФ «Контакт» вскоре после того, как сама стала туда ходить. Было это, наверное, году в 1987. Девушек, кстати, в клубе было мало – по пальцам одной руки пересчитать, – и появление Марины, совсем юной и хорошенькой, не замеченным не осталось. Я тоже с интересом на неё покосилась, но потом перестала обращать внимание, увлечшись дискуссией. Новичков на заседаниях первое время «не трогали», давали освоиться, и они обычно сами помалкивали и приглядывались. Марина под это правило не попала – она, как позже выяснилось, вообще не любила придерживаться каких-то правил – и довольно скоро подала голос: слегка хриловато, немного растягивая слова, сказала что-то довольно едкое, но попадающее в тему. Все одобрительно засмеялись, а я взглянула на неё с новым интересом: смотри-ка, какой смелый галчонок! На самом деле, внешне на галчонок она не походила совсем, скорее – на будущую модель: довольно высокая, тоненькая, с пока ещё угловатыми движениями, с ясными серо-голубыми глазищами, она обещала стать прямо красавицей. Зато характером очень походила на ёжика: быстро вспыхивала, фыркала, не признавала компромиссов, немедленно кидалась в бой, если ей чудилась хоть малейшая несправедливость. Язык у неё был острым, как бритва, и снисхождения она никому не оказывала. Порой я уж и не знала, смеяться или плакать от её неожиданных высказываний, тактичностью не страдавших. При этом сама она была болезненно самолюбивой, до дикости застенчивой, очень ранимой, жаждущей и боящейся довериться, – в общем, очень трогательным подростком эльфийского вида. С высоты возраста (я была старше на 12 лет) я воспринимала её как младшую сестрёнку и относилась соответственно: где-то опекала, где-то командовала, где-то одобряла и любовалась. Вскоре мы подружились и стали почти неразлучны. С ней было интересно разговаривать на любые темы, – она почти всегда рассматривала

вопрос с необычной стороны, под непривычным углом, и часто её реплики заставляли меня задумываться и менять своё, казалось бы, устоявшееся мнение. Читала она запоем, всё подряд, а поскольку обладала редкой «фотографической» памятью, то запоминала всё прочитанное дословно и в спорах «убивала» оппонентов эрудицией. Что касается стихов, то довольно долго она дичилась и скрывала их от меня, а когда дала прочитать, то я ахнула! Для подростка 16 лет это было не просто хорошо, это было по-настоящему талантливо. Необычная ритмика, яркая образность, свежие рифмы, целый новый мир, встающий из торопливо написанных строчек. Именно тогда к моей уже ощутимой привязанности добавилось уважительное Удивление перед Талантом, – удивление, не исчезнувшее до сих пор.

Не могу не сказать и о роли Марины в моей личной судьбе. Именно она в 1989 году привезла из Томска первое упоминание о готовящихся «Хоббитских игрищах», открывших в нашей стране эпоху ролевых игр. Именно она, втайне от меня, написала организаторам ХИ страстное письмо, рекомендуя меня как «Галадриэль по жизни», в результате чего я, собственно, и получила эту роль. А уже ХИ-90, на которых я стала Владычицей Лориэна, познакомили меня с множеством замечательных людей, ставших моими друзьями и единомышленниками, и дали старт ролевому движению в Новокузнецке, и предопределили мою встречу с будущим мужем и счастливую семейную жизнь, и мою – на новом уровне – работу в КЛФ «Контакт», и многое-многое другое. Так что, хотя жизнь развела нас с Мариной, при воспоминании о ней я чувствую тепло в сердце, и улыбка сама трогает губы. Пусть у неё всё будет хорошо!

Елена БРАЖНИКОВА

Если ты не вернёшься назад

Прощание у старта

Друзья, до встречи! И не беспокойтесь.
Вам беспокоиться, поверьте, не к лицу.
Я уйду сейчас в свободный поиск
По галактическому звёздному кольцу.

Вы вспомните о предках, о варягах,
На утлых лодках плывших по морям.
От них, мне кажется, в моём сознании тяга
К пространствам и межзвёздным кораблям.

Быть может, рисковать придётся, люди,
Ведь надо иногда идти на риск.
Случится что – могилой космос будет,
Корабль – плавучий гроб и обелиск.

Но верю – я вернусь к земным берёзам,
И твёрдо я надеюсь на удачу.
Товарищи, прошу, утрите слёзы.
Не то и я, не выдержав, заплачу.

3.1.1987

Когда друзей теряешь, плакать можно.
Ведь это словно сердце грубо рвать.
И можно гордый стыд отбросить ложный,
Открыто плакать, слёзы не скрывать.

Так почему же мы тогда не плачем,
Стоим, платок ненужный теребя.

А если слёзы сами льются – прячем
Их от других и даже от себя.

Поплачешь – будет легче. Нам понятно.
Но именно не плачем потому.
Друзей уже не возвратит обратно,
А для себя нам лёгкость ни к чему.

Лишь хрипло иногда промолвим слово,
Лишь скажем: «Память светлая тебе!» –
И поглядим бесстрашно и сурово
Вперёд, судьбе навстречу и борьбе.

Они в атаке будут с нами вместе,
Когда пойдём на штурм мы, чтобы так
Не погибал никто на этом месте.
А слёзы – не подмога для атак.

И только ночью, в темноте безмолвной,
Заплачем, от себя не пряча слёз.
Тогда лишь боль почувствуем мы, словно
С надрывом в сердце отошёл наркот.

Ночами будем плакать, коль приснится
Нам смерть друзей на огненном ветру.
Но удивимся, если на ресницах
Вдруг обнаружим слёзы поутру.

Ведь мы спокойны очень днём, на людях,
Да и когда с собой наедине,
А если говорить о них мы будем,
То скроем мы эмоции вдвойне.

И если скажут, что страдаем, – спорим.
И только понимаем всё ясней,
Что выдаём во сне слезами горе,
Как муки стоном выдают во сне.

23.4.1987

Брось перед стартом на Землю взгляд.
Помни всегда, пилот,
Что если ты не вернёшься назад,
Кто же пойдёт вперёд?

Ты лишь разведчик, науки солдат.
Поиск дороги идёт.

И если ты не вернёшься назад,
Кто же пойдёт вперёд?
Но не один ты, запомни, брат:
Кто-то с тобой идёт.

И если ты повернёшь назад,
Друг твой пойдёт вперёд.
Будешь ли в чём-нибудь виноват?
Время потом разберёт.

Страшно, и ты повернул назад.
Но он-то пошёл вперёд!
С базы ему в микрофон закричат:
«Куда ты один, идиот?»

Ведь если ты не вернёшься назад,
Кто же пойдёт вперёд?»
Он не ответит, и там замолчат:
«Этого он не поймёт».

Но если он не вернётся назад,
Кто же пойдёт вперёд?
Ты объяснишь, в пол устава взгляд,
Дал почему задний ход:

«Если бы я не вернулся назад,
Кто бы пошёл вперёд?»
Но, указав на экран-аппарат,
Скажут они тебе: «Вот.

Ты повернул, испугавшись, назад,
Но он-то пошёл вперёд!
Он-то пошёл, и не ради наград.
Может, он путь найдёт.

А если он не вернётся назад,
Кто же пойдёт вперёд?»
Вот молодые сзади стоят,
И знает разведчик тот,
Что если он не вернётся назад,
Эти пойдут вперёд.
Каждый собою пожертвовать рад,
Пусть только он живёт.
Шепчут: «Коль он не вернётся назад,
То я – я пойду вперёд».
А там метеоров бушующий ад...
Удар прерывает полёт...
Всё кончено: он не вернётся назад,
Но кто-то пойдёт вперёд.
Скорбно молчат, на тебя не глядят.
Мысль такая встаёт:
«Может, он и вернулся б назад,
Если б пошёл я вперёд».
Раньше, бывало, в атаке солдат
Собой прикрывал целый взвод,
И пусть он с войны не вернулся назад,
Товарищи шли вперёд.
Встал ты, и губы твои говорят,
Сам произносит твой рот:
«Он из-за меня не вернулся назад,
Я первый пойду вперёд.
Знаю, я в смерти его виноват.
Пусть каждый меня поймёт.
Пусть так же, как он, не вернусь я назад,
Я должен идти вперёд».
И командиры тебе говорят:
«Мы верим тебе, пилот.
Знай, если ты не вернёшься назад,
Кому-то идти вперёд».
Руки на пульте уже не дрожат,
Верно корабль идёт.

Отсюда ты повернул назад,
Теперь же иди вперёд.
Боль заглуши, словно ты автомат,
Миг отвлекаться не тот.
Если и ты не вернёшься назад,
Кому-то идти вперёд.
Надо пройти через весь этот ад,
Надо закончить полёт.
Если и ты не вернёшься назад,
Кто-то пойдёт вперёд.
Словно на нашем пути водопад
И отыскать надо брод,
И если один не вернётся назад –
Двое пойдут вперёд.
Слева и справа десятки преград,
Выбрался – вновь поворот.
Помни – коль ты не вернёшься назад,
Кто-то пойдёт вперёд.
Сколько же можно? Как будто бомбят.
Усталость за горло берёт.
Но надо пройти: не вернёшься назад –
Кому-то идти вперёд.
...Пройден насквозь этот гибельный ад,
И установлен проход.
Знаешь уже, что вернёшься назад.
Можно идти вперёд.
Видишь – на базе встречает парад,
И репродуктор орёт:
«Видите все – он вернулся назад!
Шёл он бесстрашно вперёд!»
Ты же вдруг в пол опускаешь взгляд,
В горле комок встаёт:
Вместе б могли вы вернуться назад,
Коль вместе бы шли вперёд.
Слёзы в глазах, не стекая, стоят,
Словно холодный лёд:

«Может, он и вернулся б назад,
Если бы шёл я вперёд».
Видишь сочувствие в лицах ребят?
Боль твою каждый поймёт.
Должен был друг твой вернуться назад,
Если б пошёл ты вперёд.
Память погибших – печальный обряд,
Минута молчанья идёт.
И кажется – ты не вернулся назад,
А он всё идёт вперёд.
Рядом с тобой молодые стоят.
Новая смена, пилот.
Верь – эти не повернут назад,
Эти пойдут вперёд.
Этим разведки ещё предстоят.
Завтра их первый полёт.
И если один не вернётся назад,
Десять пойдут вперёд.

10.5.1987

В песках на далёкой планете,
Где ветер бушует все дни,
Где солнце сквозь тучи не светит,
Остались вы с другом одни.
И сотни ещё километров
Пройти надо до корабля,
А путь преграждают вам ветры,
Горит под ногами земля.
...Идёте. Сказать ты не смеешь,
Что не одолеешь пути,
Что с каждой минутой слабеешь,
Что дальше не можешь идти.
Идёшь и идёшь отрешённо.
И другу не скажешь того,

Что воздуха в ваших баллонах
Хватает лишь для одного.
Идёшь целый день в отрешенье,
А ночью к тебе вдруг придёт,
Отчаянное решенье,
Единственно правильный ход.
Иного решения нету.
Должно это произойти.
Ведь самое главное – это
Чтоб вовремя слабым уйти.
Казалось, что это так сложно –
От жизни в нежизнь убежать.
И думалось: как это можно
Мосты за собою сжигать?
Но это так просто: ни стона,
Ни боли, ни смертной тоски.
Оставить для друга баллоны,
Уйти умирать в пески.
Снять шлем и вдохнуть атмосферу –
И всё, – и вдохнуть вместе с ней
Уверенность, твёрдую веру,
Что друг-то дойдёт: он сильнее.
Баллон твой ему пригодится.
Дойдёт он, и где-то вдали
Увидит знакомые лица
И синие дали Земли.
Никто никогда не узнает,
Где смерть ты нашёл, где твой гроб.
Лишь ветер вокруг намедает
Огромный песчаный сугроб;
Поёт; завывает тревожно;
Гудит, как сирена; свистит.
Твой друг его слышит, возможно.
Тебя он поймёт и простит.
И в ветре ему, может статься,
Твой голос шепнёт: «Не грусти.

Я рад, что сумел ты добраться,
Что вовремя смог я уйти.
2.10.1987

Снегом засыпано поле,
Смерчи снежные ходят. Видны
Туч пятнисто-свинцовые доли,
Чернозубые валуны.
Снег возносится ветром, не может
На земле он покоя найти...
...Я на снимок смотрю, и похож он
На равнины цветной негатив:
Снегом чёрным засыпана пустошь,
Купол неба пятнисто-багров,
Озаряемые светом тусклым,
Зубья белых видны валунов,
По равнине проносятся смерчи,
Снег кружится на чёрном ветру
И возносится, вихрем заверчен...
...Фотографию вновь я беру.
Я на снимок смотрю и невольно
Пробирает то льдом, то огнём.
Вспоминать мне и гордо, и больно
О планете чужой, что на нём.
Мы на эту планету летали,
Мы упорно с ней мерялись силой,
Победили её... Но остались
Там товарищей наших могилы.
Это давнего прошлого дело
И судьбы моей малая часть.
Но, хоть кажется, – всё отболело,
Не дана нам над памятью власть.
Вновь, откликнувшись горестной болью,
Предо мною встаёт, как мираж,

Негативом февральского поля
Этой страшной планеты пейзаж.
10.10.1987

Баллада о НЛО

Повсюду от корреспондентов темно,
И каждый спешит, как пожарный:
Поймать удалось НЛО – не одно,
А больше десятка, пожалуй.

Печатают фото их наперебой –
В классической форме тарелки,
Все средние, кроме глубокой одной
И пары чуть более мелких.

Диаметр у каждой – сто метров и пять
Десятых – приличное судно.
Умы всего мира стремятся понять:
Кто это, зачем и откуда?

Одну разобрали до микрочастиц,
А может быть, мельче – до кварков.
Работали сто компетентнейших лиц,
Да так, что чертям было жарко.

Ломались десятки умнейших голов,
В тупик закатилась наука:
Механики нет ни малейших следов –
Как двигается эта штука?

Органики массу аморфной нашли,
Почившей, как видимо, в бозе.
Сгубила ль её атмосфера Земли?
А может быть, в анабиозе?

Во всех академиях месяц гудят
Немолчные жаркие споры.
Учёные всё громоздят, громоздят
Гипотез изящнейших горы:

«Спустились сюда НЛО устранить
Таинственные неполадки...»
«Несчастные жертвы они, может быть,
Космической яростной схватки...»

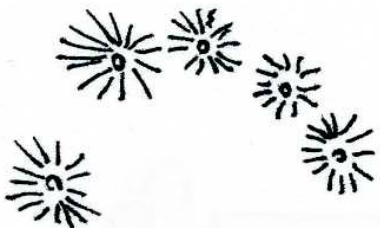
«Нет-нет, на контакт они с нами идут,
Давно наблюдали за нами,
И вот для начала контейнеры шлют
С предметными их образцами...»

«Нет-нет, на Земле они ищут приют,
Который утратили где-то,
И вот на животных своих узнают
Пригодна ль для жизни планета...»

Учёные много базарили, но,
Тасуя по разному факты,
Сошлись наконец-то они на одном:
Что с нами ведутся контакты,

А двигатель, мол, НЛО ни к чему,
Их двигают телекинезно...
Всё это неправильно, и потому –
Бессмысленно и бесполезно.

...В сверхцивилизации Тау-Кита,
Во многих парсеках отсюда,
Сверхсуперразумных ругалась чета,
Швыряя в пространство посуду.

Если наша жизнь – Игра

Малина для мёртвых (монолог убитого орка)

На дальнем берегу Минас-Тирит,
Валар торчит, как пугало на крыше,
И что-то через реку нам кричит,
Но Андуин шумит, и мы не слышим.

Мы, мёртвые, сидим, малину жрём.
Противники – в согласии и мире.
И ждём, и ждём, когда же оживём.
Нам, чёрным, сроку час, а им – четыре.

Промокли все, сейчас бы нам костёр,
Да ладно уж, обсохнем так, не горе!
Малину ест горстями Денэтор
И горячо о чём-то с эльфам спорит.

А урук-хаи травят анекдот,
Ржут орки: «Восемь Назгулов летели...»
Да скоро ли проклятый срок пройдёт?
Минуты проползают еле-еле.

Галадриэль пришла в Минас-Тирит,
Вон, видишь, на обрыве, в белом платье,
Стоит с Валаром рядом и глядит.
Плыла б сюда, на всех малины хватит!

Всё, час прошёл, мечи уже в руках,
Айда, братва, скорей к Ородруину!
Ну, гондорцы и эльфы, ну пока!
Нам – битва, вам, покойникам, – малина!

Песня неприкаянности

Река, и камни в ней остры,
И дальний берег крут.
А позади горят костры,
Но там меня не ждут.
И всё, что было здесь со мной,
Мне следует забыть,
Оставить берег за спиной
И реку переплыть.

Минуты, как вода, бегут,
Песка смывая горсть.
И здесь, на этом берегу,
Я лишь случайный гость.
На том меня никто не ждёт
И мне никто не рад.
Я просто так иду вперёд
И не гляжу назад.

Пойду сквозь ночь к рассвету я,
А от рассвета – к дню.
«А где же родина моя?» –
Вопрос я задаю.
И дождь и ветер, снег и зной
Мне говорят в ответ:
«Далёкий путь – твой дом родной,
Другого дома нет».

Уют домашний никакой
Привлечь меня не мог,
И даже вечный свой покой
Найду я среди дорог.
Счёт не веду шагам и дням,
Годам не знаю счёт.
Но всё же больно, что меня
Никто нигде не ждёт.

1990

Переправа на Андуйне

Хлещет дождь по свинцовой сини,
Шесть ракет в небесах над Горой.
Переправа на Андуйне...
Не кончается жизнь с Игрою.

На крутом берегу, под ветром,
Под ударами струй дождя
Силы Мрака и Силы Света
За течением Реки следят.

Сколько тех и других убито:
И на тропах, что в глушь ведут,
И в боях у Минас-Тирита,
И в сражении на Броду...

Хэппи-энд не вполне удался,
Лишь отложена их вражда:
В Средиземье Кольцо Всевластья
Поглотил не огонь – вода.

Не одна ещё будет битва
До тех пор, пока жизнь решит –
Или будет беда избыта,
Или тьма небеса застит.

Но пока что утихли войны,
И стоит Средиземья народ
И на Реку глядит, чьи волны
Поглотили Кольцо на год.

Пляшет дождь на крутой стремнине,
Гаснет красный отсвет ракет.
Переправа на Андуйне.
Это жизнь. Ей предела нет.

1990

Осень забвения

Безудержное время уносит
Всё, что было, в далёкую даль.
В Средиземье холодная осень,
О минувшей Эпохе печаль.

Над покинутым эльфами лесом
Тучи дождик ли, слёзы ли льют,
И задёрнулась капель завеса
За ушедшими в Серый Приют.

Ловит бледный цветок эланора
Солнца луч, не дающий тепла.
Оседает забвения морось
На сказанья, свершенья, дела.

Всё спокойно и обыкновенно:
Рог в далёких холмах не звучит,
Разрушаются башни и стены,
И ржавеют в чуланах мечи.

А в камине весёлое пламя
Так и манит: «Присядь, посиди.
Пусть уснёт беспокойная память –
Ведь в просторах Рохана дожди,

Осыпаются листья в Уделе,
В Андуине вода холодна,
Ветер гнёт лихолесские ели...
Ни к чему о былом вспоминать.

В этой памяти много ли прока?
Пусть исчезнет она навсегда...»
Мчится ветер с Востока, с Востока
И несёт холода, холода...

1990

Певец

Мили дорог без конца,
Крепости, лица людей.
Доля бродяги-певца,
Ставшая долей моей.
Ночь переходит в восход,
День переходит в закат,
Путь мой уводит вперёд,
Нету дороги назад.

Песня, сказание, быль –
В годы минувшие взгляд.
Шепчет их строки ковыль,
Звёзды, мерцая, звенят,
Дождь их мелодии льёт,
Буйные ветры поют...
Песни – богатство моё,
Плата за хлеб и приют.

Правда для многих горька,
Я же вранья не пою,
Часто удар кулака –
Плата за песню мою.
Знаю я, как солона
Кровь на разбитых губах.
Это ничья не вина –
Это такая судьба.

Пусть за душой ни гроша –
Хватит и хлеба куска.
Только была бы душа
Вечно смела и легка,
Был бы на песню ответ –
Взглядом ли, взмахом руки –
Только б оставить свой след
В памяти, в душах людских.

В битве извечной со злом
Песня острее меча.
Строки легенд о былом
Нынешней болью звучат.
Каждая песня – как бой,
Кровь на губах солона.
Это дано мне судьбой –
Души будить ото сна.

1990

Ночь перед битвой

Пронёсся по травам и стих предполуночный ветер,
Весь мир тишиной и покоем глубоким объят.
А завтра поскачем на битву мы все на рассвете,
И многим из нас не придётся увидеть закат.

А завтра мечи засверкают, как молнии в грозы,
И будет качаться земля, уходя из-под ног.
Пока же в степи полуночной под куполом звёздным
Лишь светом луны и костра отливает клинок.

Нас ночь от тревог напоследок укрыла ладонью,
И свет свой спокойно луна проливает с небес,
И бродят по росной траве наши верные кони,
Которые завтра помчат нас навстречу судьбе.

Спокойно усни, отдохни перед битвой, товарищ,
А я послезу, чтоб костёр до утра не погас.
А завтра взметнётся багровое пламя пожарищ
И дымом клубящимся солнце закроет от нас.

По нашей земле, за собой оставляя лишь пепел,
Идут вражьи орды, зелёные травы топча.
Свободным народам несут они рабские цепи
И смерть непокорным несут от огня и меча.

Но лучше погибнуть свободным, чем жить
покорённым.

За землю свою, за свободу мы выйдем на бой.
Недвижна трава на просторе, луной озарённом,
Последняя ночь перед битвой нам дарит покой.

А утром земля от ударов и горя застонет...
Да будет надёжен мой меч, да не дрогнет рука!
Померкла луна на светлеющем чуть небосклоне,
На западе – ночь, а с востока ползут облака.

Рассвет надвигается – облачный, серый, прохладный,
В долинах ручьёв чуть заметный туман задрожал.
Из ночи рождается день цвета стали булатной,
Как будто из ножен отточенный вынут кинжал.

1990

Память о войне

Войне конец, над миром тишина,
В лугах пасутся боевые кони,
И светит мирно полная луна –
Тень назгула её уж не заслонит.
И чуть заметный ветер на лучах
Играет тихо песню о покое.
Но я смотрю тревожно по ночам
На город, мирно спящий под луною.
Нет для тревоги повода, но мне
Покоя не найти в виденьях сонных.
...Пыль вьётся под копытами коней
И бьется сталь о сталь с холодным звоном,
Крылатые фигуры в небесах
Роняют крик, смертельной злобы полный,
И корабли на чёрных парусах
Плывут к причалу, рассекая волны,

Кроваво полыхает небосклон,
И горький дым несут порывы ветра
С востока... Это сон, всего лишь сон.
Ни облачка на небе предрассветном.
Но я не верю этой тишине,
Тревога не заглохла среди покоя.
Храните, люди, память о войне,
Чтоб наяву не пережить такое!
1990

Песня Леголаса
(перевод со всеобщего)

К Морю, к Морю, где белые чайки кричат,
Ветер белую пену срывает с волны,
Вслед за солнцем, туда, где алеет закат,
Где скрывается серп уходящей луны.
Серебристый корабль меня в Гавани ждёт,
Где солёные брызги о берег звенят.
Наяву и во сне меня голос зовёт –
Голос тех, кто за Море ушёл до меня.
Я покину навеки родные леса –
Ведь эльфийское время подходит к концу, –
И блеснут над моей головой паруса,
Мокрый ветер солёный хлестнёт по лицу,
Берега Средиземья растают вдали,
И уйду я туда, где ласкает вода
Берега недоступной для смертных земли,
В землю эльфов уйду – навсегда, навсегда!
1990

Возвращение с Игры
Мастерам XII-90

Шум городской вокруг. Бурлит
Движеньем магистраль.
А мы пришли из той земли,
Где сталь звенит о сталь,
Где небо застыл чёрный дым
И тучи стрел слепых,
И вот растерянно стоим
Средь городской толпы.

Смущённо мы глядим вокруг –
На город, на людей:
Они не носят ни кольчуг,
Ни шлемов, ни мечей.
Обычной суетой полны
Большие города,
Как будто не было войны –
Всё так же, как всегда.

Но как же так? Я воевал,
Я шёл сквозь боль и страх,
И был убит, и убивал,
Друзей терял в боях,
Я потерял сраженьям счёт
И дням длиной в года,
А здесь как прежде жизнь течёт,
Всё так же, как всегда.

Я был убит. Но я живой,
Друзья мои все тут,
И мимо нас густой толпой
Прохожие идут.
А может быть, сражение – бред,
Видений сонм дурных,
И вот уже десятки лет
На свете нет войны?

Но были битвы, и мечи
В руках у нас не зря,
И отблеском огней в ночи
Глаза ещё горят.

 Ни слова мы не говорим,
 Но взгляд понятней слов:
 Прошли мы сквозь огонь и дым,
 Сквозь тьму, сквозь смерть и кровь.

Стоим. Вокруг толпа бурлит.
И предстоит нам вновь
Идти туда, где сталь звенит,
Туда, где льётся кровь.
 Но если отойдёт беда,
 Развеет ветер дым,
 Тогда мы вновь придём сюда
 И молча постоим.

1990

Ночью после боя

Ночью после боя
Дымом пахнет воздух,
В небе надо мною
Чуть мерцают звёзды.
Тихо, тихо ночью
В поле после сечи,
Ветер стих восточный,
Кони ржут далече,
Где-то рядом сонно
Вскрикивает птица...
А меня ждут дома,
Мне ж не воротиться.

Мне б пойти до дома,
Да кольчуга рвана,
Меч булатный сломан,
Да под сердцем рана.
Кровь капелью алой
На траву стекает...
Отчего усталость
Вдруг пришла такая?
Мне б ещё отсрочку
Выпросить у смерти,
Пережить бы ночь
Да рассвет бы встретить.
Кромка золотая
Вспыхнет над горою,
Улыбнусь тогда я
И глаза закрою.
И душа куда-то
С ветром унесётся...
На траве примятой
Под лучами солнца
Заблестят не росы
На зелёном шёлке –
Алых капель россыпь,
Как зари осколки.
Годы всё, что было,
Пеленою скроют,
Зарастут могилы
Шёлковой травой,
Но навеки в травах
Сохранится память
Россыпью кровавой –
Алыми цветами.

1991

Стальное сердце

Я сердцу прикажу – железным стань,
Я сердцу прикажу – про всё забудь.
Не сломится под тяжким грузом сталь,
А если и согнётся, то чуть-чуть.

Не знает сталь ни смеха и ни слёз,
Ей безразлично – нежность или боль,
Ей нипочем жара или мороз;
У стали есть предназначенье – бой.

Бой тяжек и опасен – не беда,
Клинок в бою сломается – не жаль.
Сталь не растает, как кусочек льда,
И в смерти сталью остаётся сталь.

Звенит мой меч, и топчет травы конь,
Затянута багровым дымом даль.
Пусть ветер битвы жарок, как огонь, –
В нём лишь закалку обретает сталь.

И смерть бежит от тех, кто ищет смерть...
А после битвы горечь и печаль
Приходят вновь – от них защиты нет;
Нет даже слёз – не может плакать сталь.

Нет смерти, но и жизни тоже нет,
И тишина страшней, чем гром войны...
Сумеет ли в душе зажечься свет,
А сердце – стать живым, а не стальным?

1991

Митлонд

Огнём закатным небеса объаты,
О берег тихо плещется вода,
И корабли уходят за закатом,
Чтоб не вернуться в Гавань никогда.

В волнах от горизонта до причала
Цепочку бликов протянул закат.
Над Серебристой Гаванью печально
Плывут в вечернем небе облака.

И волны разбиваются о сваи,
Их брызги оседают на щеке.
Из Средиземья эльфы уплывают,
И песня замирает вдалеке.

Тоскою крики чаек сердце ранят,
И брызги, словно слёзы, солонь.
Митлонд... Как будто колокол в тумане
Или аккорд оборванной струны.

А впрочем, нет, не надо о печали,
Оставим этот грустный разговор.
Уходят с шумом волн и криком чаек
Бессмертные в прекрасный Валинор.

А волны Моря плещутся бессонно
Под звёздами, под солнцем, под луной.
Последними из всех Перворождённых
В Заморский Край уйти нам суждено.

По осени, под шелест жёлтых листьев,
Под крик прощальный перелётных стай,
На корабле последнем серебристом
Мы уплывём в Благословенный Край.

И колыхнутся паруса под ветром,
И за кормой заплещется вода,
И Путь Прямой лучистым ясным светом
Укажет нам Вечерняя Звезда.

И всё же в сердце грусть придёт неволью,
Когда в наставшей позади ночи
– Митлонд! – как будто звоном колокольным
Прощанье Средиземья прозвучит.

1991

Гавань

Серебристой Гавани-91

Туман поднимается к Синим Горам,
И светит над Морем луна,
И кажется – Гавань, как белый корабль,
Плывёт по туманным волнам.

Не надо, Изиль, свой серебряный свет
На волны пустынные лить...
Ушли за Луною и Солнцем вослед,
На запад ушли корабли.

А Гавань всё ждёт, что вот-вот паруса
Блеснут серебром под луной,
Туманную тишь всколыхнут голоса
Ушедших за Море давно.

Но сумрак беззвучен. Скорбя о былом,
Солёная плачет волна.
Смешавшись с туманом, легла тяжело
На берег пустой тишина.

Белеет причал под лучами луны.
Того, что ушло, не вернуть.
Незримо над Морем, над миром земным
Прямой поднимается Путь.

Луна закатилась, померк небосвод,
Серебряный блеск догорел.
И кажется – Гавань на запад плывёт,
Плывёт над туманом морей.

1991

Следопыты

В ночи глухо шепчутся ели,
Роса холодна, словно лёд.
Из топей, из чёрных ущелий
Бесформенный страх восстаёт.
На улицы мирных селений,
Неся с собой холод и жуть,
Ползут безымянные тени,
Но мы преграждаем им путь.
Охрана посёлков беспечных
Судьбою назначена нам,
И мили дорог бесконечных –
Наш дом, что открыт всем ветрам.
То снегом швыряет в нас вьюга,
То ветер горячий пылит.
Мы редко встречаем друг друга,
Бродя по дорогам земли.
Ведь нас в Средиземье немного;
При встрече оброним: «Привет!» –
И вновь разведёт нас дорога,
Ветра заровняют наш след.
Посмотрит на нас, как на нищих,
Привратник у крепких ворот,
Презрительно хмыкнет трактирщик:
«Бродяги... Беспутный народ!»
Усмешку мы горькую прячем:
Не знает никто на земле,
Что живы в народе бродячем
Потомки былых Королей.
И если пророчествам древним
Реальностью стать суждено,
На знамени Белое Древо
Взметнётся над битвою вновь.
И заново будет откован
Меч, сломанный в давние дни,

И Войско Нарушивших Слово
Восстанет из серой тени,
Поднимется ратная сила,
От грохота вздрогнет земля,
И вспыхнет Звезда Элендила
Опять на челе Короля.

1991

Затишье

Умытые росой, встают рассветы,
И золотится небо над Рекой.
А в Средиземье – солнечное лето,
А в Средиземье – тишина, покой.

Великое Кольцо – в Реке Великой;
Таит его уж долгие года
Под сетью золотых слепящих бликов
Струящаяся быстрая вода.

Глядит лазурный купол небосклона
В изменчивое зеркало Реки,
И ирисы лиловые в затонах
Роняют на течение лепестки.

Великие свершения и битвы –
Предания давно минувших пор,
И не зовут ещё Минас-Тиритом
Прекрасный белый град Минас-Анор.

Вершины гор в небесной сини тонут,
Струятся вниз журчащие ручьи,
Средь ясеней высоких златокронных
Эльфийская мелодия звучит.

Закат пылает в небе, словно пламя,
Уходит солнце за земли предел,

И путника весёлыми огнями
Приветствует долина Ривенделл.

На бархате небес сверкают звёзды
И серебрится тонкий серп луны,
И ароматом трав напоен воздух,
И звонких голосов леса полны.

И вновь леса, луга, долины, пашни
Приветствуют безоблачный рассвет.
Грядущий день похож на день вчерашний,
И тишине конца как будто нет.

Все страхи и тревоги позабыты,
Спокойны дни и безмятежны сны.
Нескоро грянет час Последней Битвы,
И древние пророчества темны,

Меч Сломанный пока ещё не скован,
Ещё над миром не нависла мгла.
Незыблемы спокойствия основы,
Как будто бы и нет на свете Зла.

И слышатся лишь радостные песни
Повсюду – на равнинах и в горах.
...Но тень висит над Южным Лихолесьем,
А в Моргульской долине бродит страх.

И к заводи, поросшей камышами,
Подплыла тихо лодка рыбака...
Застыло Средиземье в ожиданьи,
Само о том не ведая пока.

Спокойствие – затишье перед бурей.
Оно продлится, может, сотни лет.
Но в Час Судьбы Проклятье Исилдура –
Кольцо Всевластья – явится на свет.

1991

В старых песнях, в легендах звучат имена –
Может, нашими были они?

Что за битва была? – Битва Света и Тьмы.
А когда это было? – Давно.
Вспомнить всё не сумеем, наверное, мы,
Но и всё нам забыть не дано.

Снова память о прошлом всплывает из снов;
Век иной, но я верить хочу:
Если грянет сражение грозное вновь,
Будем биться плечом мы к плечу.

1991

Тревога

На закате светом алым
Облака горят.
Беспокойство сердце сжало
И, видать, не зря:
Тишь вечернюю встревожил
Стали дальний звон,
Нет мечу покоя в ножнах –
Битву чует он.
Ветер – вечный мой попутчик –
У дороги ждёт.
Наползли с востока тучи,
Тёмен небосвод.
Словно алая страница,
Полоса зари,
И на ней, как руны, птицы;
Их тревожен крик.
Вот взметнулось на востоке
Зарево огней.
Ветер тихо шепчет строки
Песен о войне,

Пыль дорожную взметает,
Плащ мой шевелит...
Отблески заката тают
На краю земли.
Стал беззвёздной ночью вечер,
Горизонт в огне.
Я шагаю тьме навстречу,
Чтоб сразиться с ней.

1991

Плач по тополям

Солнце просочилось, как сквозь сито,
Через облака. А на земле
Люди вырубали деловито
Небольшую рощу тополей.

Падали стволы на снег примятый,
Свежим срезом красовались пни.
Чем деревья были виноваты,
Чем же заслужили смерть они?

Может, пухом чересчур летучим,
Иль густою тенью, может быть...
Ветви, обрубив, свалили в кучу,
Начали стволы потом пилить.

Было тихо – лишь пила звенела
Да стучал по дереву топор,
Да лилась струя опилок белых.
Распилили. Разожгли костер.

Ветви, зеленевшие весной,
Стройные высокие стволы
Превращались в пламя золотое,
В небольшие холмики золы.

В сумерках на небо, точно стадо,
Тучи набрели. Костёр потух.
Мягкий снег на пепелище падал,
Словно тополиный белый пух.
1991

Эовин

Негромок стук копыт. Туманен воздух.
На небе – то ли тучи, то ли муть.
Поверьте, я сдержать сумею слёзы.
Я воин. В битве слёзы ни к чему.
Не затрясутся от рыданий плечи,
Пусть сердце под кольчугою болит:
Сталь вражеских клинков его излечит,
От всех страданий разом исцелит.
Пусть жизнь сгорит в короткой яркой вспышке
И серым пеплом по ветру уйдёт.
Миг перед боем, краткий миг затишья;
Окрасил небо золотом восход.
Сверкает луч зари на стали острой,
Столбами дыма небосвод обвит.
Теперь всё просто, как теперь всё просто!
Есть бой. Есть жизнь и смерть. И нет любви.
Над полем, битву близкую почуяв,
Кружится смерть, крылата и легка.
Губами, что не знали поцелуев,
Касаюсь я холодного клинка.
1992

Плач по мечу

*Посвящается знаменитой Лориэнской
тренировке, на которой было сломано
шесть мечей, а седьмой сломали после неё*

Не слыша ни победных криков громких,
Ни труб, что песню торжества поют,
Несёшь ты на руках меча обломки,
Как тело друга, павшего в бою.
Застывший взор невидящ и отчаян
От слёз, готовых по щекам потечь.
Смеются, не поняв твоей печали,
Товарищи: «Сломал свой верный меч...»
1992

Баллада о чёрно-белом песке (Противостояние)

*Белый и чёрный смешать –
Серый получится цвет...
Л.Денисюк*

Чёрно-бел по реке песок.
Почему? Я легенду слышал...
Белый Замок был горд, высок,
Только Чёрный – сильней и выше.
Чёрный Князь сказал: «Покорись,
Назови меня господином.
А не то потеряешь жизнь:
Мое войско непобедимо».
Белый Князь усмехнулся: «Нет,
Нам такой господин не нужен.
Сохранить мы сумеем Цвет.
Ну, а жизнь... Пусть решит оружие».
Непрестанно шла день и ночь
В крепостях подготовка к бою.

Войско Белое было сильно,
Только Чёрное – больше вдвое.
На коня боевого сев,
Белый Князь обратился к людям:
«Может быть, мы погибнем все,
Может, Замок разрушен будет.
Но останется на века,
Пережив и людей, и стены:
Чёрный цвет – это Цвет Врага,
Серый цвет – это Цвет Измены».
Лязг оружия, крик и стон –
Всё смешалось в едином шуме.
Белый Князь в полночь был сражен,
Чёрный Князь на рассвете умер.
Рано утром заря взошла
По-над полем затихшей брани;
Алый свет на мёртвых телах
Побурел, словно кровь на ране.
Воин Белого Войска встал –
Лишь один из огромной рати,
Кровь пятнала клинка металл,
Покрывала доспех измятый.
Воин Чёрный шагнул навстречь –
Лишь один из несметных полчищ.
Хрипло крикнул он: «Брось свой меч,
Покорись, если жить ты хочешь!»
«Бой покуда не завершён!» –
Белый витязь сказал со смехом.
Только чёрный клинок нашёл
Против сердца дыру в доспехе.
Но и светлый клинок рассёк
Тусклый шлем из чернёной меди,
И никто из двоих не смог
Объявить о своей победе.
Не осталось бойцов живых
Чёрной Рати и Рати Белой.

Горький ветер над полем выл,
Воронье на телах жирело.
Ветер Времени всё точил,
Не щадя ни камней, ни стали.
Изоржавели в пыль мечи,
Замки грудями щебня стали.
Через поле ручей потёк,
А потом стал рекой проворной.
Дно и берег покрыл песок,
Перемешанный – белый с чёрным.
Несчислимо песка в реке,
Никакой не измерить мерой.
Но ищи – не найдешь в песке
Ни единой песчинки серой.
1992

Маэдрос

Отцовское наследство мы добыли,
Его у нас теперь не отобрать.
Но обжигают руки Сильмариллы...
Как страшно мы с тобой ошиблись, брат!
Нам Клятва жить спокойно не давала.
Сражаться в ослеплении своём
Готовы были мы хоть против Валар,
Хоть против мира целого – вдвоём.
Никто на нас оружие не поднял,
Никто нам к бегству путь не преградил.
Но не уйти ни от огня в ладонях,
Ни от огня отчаянья в груди.
Так значит, пали зря отец и братья?
Мы Право потеряли, зло творя.
Убийства в Альквалондэ, в Дориате...
Шесть сотен лет войны и крови – зря?!

Над Средиземьем битвы пролетели,
Лик мира изменил Великий Гнев,
Среди равнин открылись в бездну щели,
Вихрь огненный бушует в глубине.

Но пламя – то, что сжечь мне руку хочет,
И то, что сердце жжёт, – сильней стократ.
Сегодня – День Свершения Пророчеств.
Я уйду в огонь. Прощай же, брат!

1992

Нолдор

Нам сделать свой выбор позволено было
Меж светом и тенью, меж миром и боем.
Но Клятва того, кто создал Сильмариллы,
Заставила сжечь корабли за собою.

А мы не давали безумных обетов,
Не клялись мы именем Илуватара.
Во мраке безлунном, не знавшем рассветов,
Светили нам отблески дальних пожаров.

И Колотый Лёд был дорогою нашей
К земле неизвестной, к судьбе опалённой.
Испить предстояло нам полную чашу
Слёз горьких несчётных и крови солёной.

Нашли в Средиземье мы битвы и славу,
Но нам не найти здесь вовеки покоя...
Рассвет на клинках отразился кроваво,
Наполнил закат наши души тоскою.

Земля, что за Морем, потеряна нами,
На Западе ждут нас лишь Залы Печали.
Из пламени битвы в закатное пламя
Уходим, сражённые холодом стали.

И горестно шепчет нам вслед на прощанье
Земля, утонувшая в мареве алом:
«Намариэ!» – звоном прибоя о камни,
И шорохом ветра по травам: «Ойалэ...»

1992

Феанор

«Мрак пал на землю чёрным покрывалом.
Но злая весть чернее тьмы... Отец...
И Сильмариллы... Слышите, о Валар?!
Сородич ваш – убийца, вор и лжец!»

В тумане отблеск факелов кровавый
На белых стенах города дрожит.
«Мы отомстим или умрём со славой,
И это лучше, чем бесславно жить!»

О нолдор, неужели в ваших венах
Остыла кровь за сотни мирных лет?
За Светом нас сюда призвали, верно.
Но Света в Валиноре больше нет!

Нас Валар защитить от зла не могут,
Так для чего нам оставаться здесь?..
Будь проклят Мелькор... нет, не Мелькор – Моргот!
И пусть его моя достигнет месть!

Душа и меч покоя знать не будут,
Но тот, кто хочет жить спокойно, – трус!
Преследовать Врага всегда и всюду
Я именем Единого клянусь.

Клянусь: любой, сокрывший Камни Света, –
Враг вечный мне и роду моему.
И если я нарушу Клятву эту –
Да буду ввергнут навсегда во тьму!»

...Кровь, сталь и пламя эту Клятву скрепят.
В огне души сгорает жизнь дотла,
И остается лишь горячий пепел
Да горький дым сказаний и баллад.

1992

Лаурелин и Тельперион

Свет серебра струил Тельперион,
Роняла свет золотой Лаурелин...
Вы просите спеть песни тех времён?
Я не могу – ведь песни те ушли.

А может быть, я сам ушёл от них,
Оставив их навек в земле Аман...
Я спеть могу вам о волнах морских,
Одетых в серый призрачный туман.

Я спеть могу о зареве вдали,
Что опалило край небес огнём;
В том пламени сгорели корабли,
И песни мирных лет сгорели в нём.

Я бросить эти песни мог в пути,
На Битом Льду, где были мрак и смерть.
Мне этих песен больше не найти...
Я вам могу про Хелькараксэ спеть.

В сраженьи жарком, в яростном бою
Забывать я песни радостные мог.
Я песню боевую вам спою,
Отточенную, как меча клинок.

Война и смерть... Не сосчитать могил.
И навсегда земли могильной плащ
Песнь о Земле, Не Знавшей Смерти, скрыл...
Я вам спою о павших в битве плач.

А если не по сердцу будут вам
Баллады о печали и войне,
Я подберу красивые слова,
Спою о солнце, звёздах и луне,
О ветре, что колышет море трав,
О вечных ледниках на пиках гор,
О чистых родниках в тени дубрав...
Но не просите петь про Валинор!

Навек забыты песни той земли,
Седой туман окутал гребни волн.
И больше не цветет Лаурелин,
И навсегда увял Тельперион.

1992

Альтернатива

В долине – строй домов многоэтажных,
Коробок из камней и кирпича.
А за Рекою – чёрный дым всё так же
И пламени отсветы по ночам.
Зловонием курятся шлака горы,
Тускнеет солнце в дыме, восходя.
Ползут с востока тучи и на город
Роняют капли чёрного дождя.

А люди, ничего не замечая,
И думать не желая про Врага,
Лишь о своём заботясь и печалясь,
Спокойно обживают берега.
Отстроены мосты, а переправы
Давным-давно забыли блеск мечей.
И в Реку, исходя холодным паром,
Вливается отравленный ручей.

А на горе – разрушенная крепость,
Остатки стен скрываются в траве,
Заросшие бойницы смотрят слепо,
И копоть красит камни в серый цвет.
Железные ворота с петель сбиты,
И часовые вход не стерегут.
Зачем? Ведь крепость всеми позабыта
И не нужна ни другу, ни Врагу.

В камнях гнездятся полевые мыши,
На стенах в полдень греются ужи...
Кто скажет, кто ответит, как так вышло,
Что пала Цитадель, а Мордор жив?!
1992

Песни ветра

Как часто там, где блеск теряли свой
Клинки мечей, окрашенные кровью,
Слетала смерть, не дав закончить бой
И песню оборвав на полуслове.

Но смерти вопреки, назло врагу
Не оставалась песня недопетой –
Последним вздохом с неподвижных губ
По ветру уносилась песня эта.

Съедали память ржавчина и тлен,
И забывались битвы и победы,
А ветер всё искал по всей земле,
Кому бы эти песни мог поведать...

На ярмарочной площади запел
На древнем языке певец бродячий,
И слов понять не мог никто в толпе,
Но все стояли, слушая и плача.

И кто-то, кинув в шапку медный грош,
Спросил потом с неловким интересом:
«Поведай нам, певец, о чём поёшь?
Мы не слыхали раньше этих песен».

А он молчит. Забыты те бои,
Где эти песни были недопеты.
«Не знаю. Эти песни не мои.
Не знаю, чьи. Быть может, песни ветра».
1992

Койрэ

Ещё зимуют в дальних странах птицы,
А ветер уж порывист, влажен, свеж.
Тревожный, как и всякая граница,
Приходит Койрэ – двух времён рубеж.
Зачем земля не ведаёт покоя?
Зачем вослед сверкающей зиме
Опять приходит Пробужденье – Койрэ,
Приходит Месяц Ветра – Сулимэ?

А мне бы в час, когда созвездья тают
И небосвод зарёй едва омыт,
Пройти, следов почти не оставляя,
По серебру и жемчугу зимы,
Услышать, как ночами в звёздной выси
Чуть слышимо звенят кристаллы льда...
Сугробы потемнели и раскисли,
Их напитала талая вода.

А мне бы захлебнуться далью синей,
Увидеть, как последний стает снег,
И лес вуаль зелёную накинёт,
И птицы закружатся в вышине,
И улыбнутся солнцу первоцветы,
Как тысячи раскрытых ясных глаз...

Я сотни раз, пожалуй, видел это,
Тревожась и ликуя каждый раз.

И вновь приходит время удивиться
Уходу льда, рождению листвы.
О время Койрэ – странная граница,
Что отделяет зиму от весны!

1992

Намариэ

(переложение с квэнья)

Золотом падают листья под ветром косым,
Годы уходят, как листья, и счёту им нет,
Годы текут, словно капли медвяной росы
В скрытой за Морем Закатным далёкой стране.
Там над просторным чертогом за горной стеной
Высится купол – огнями расцветенный свод,
И в синеве чуть мерцают над дивной страной
Звёзды от песни, что царственный голос поёт.
Кто в мою чашу напиток медовый нальёт?

Звёзды Творящая Варда теперь далеко.
Сумрак ложится на землю по воле её,
Тонут дороги земные в тени облаков,
Волны морские скрывает белесый туман...
Мы Валимар потеряли. Удел наш – печаль.
Ты не согласен? Ну что же, ищи Валимар.
Может быть, ты и отыщешь, кто знает?

Прощай!

1992

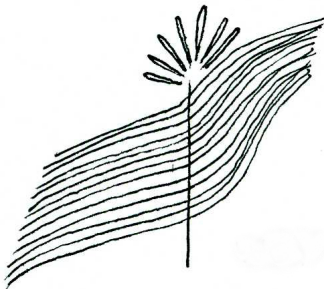
Девочке, покупающей «ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»

с книжного лотка

Эй, девочка, послушай мой совет!
Весь этот Толкин – чепуха и бред.
Не покупай ты эту ерунду,
Возьми вон «Анжелику» иль «Бурду»...
Как ясны и чисты твои глаза!
Нет, Толкина читать тебе нельзя.
Послушай, я добра тебе хочу.
Ведь ты, прочтя, не скажешь: «Что за чушь!»
Ты втянешься. Для молодой души
Писанья эти хуже анаши.
Ты толкинёшься, а потом начнёшь
Искать себе подобных – и найдёшь.
И вот тогда Господь тебя спаси:
Ты имя будешь странное носить,
Сошьёшь прикид, изучишь эльфов речь,
Из деревяшки выстругаешь меч,
Эльфийскую нацепишь мишуру,
А там, глядишь, поедешь на Игру
И будешь бегать с луком по лесам,
Бить орков, танцы дивные плясать
И петь по вечерам «А Элберет...»
А дальше – хуже: в восемнадцать лет
Полюбишь толкиниста-дурака,
А он, как будто в средние века, –
Нет, чтоб купить французские духи! –
Начнет цветы дарить, читать стихи
И робко твои руки целовать.
Нет, чтобы сразу затащить в кровать!
А замуж выйдешь – ох, как нелегко
Жить паре толкинистов-дураков,
Которые и в слякоть, и в жару
Не к морю едут летом – на Игру.

Что ж, ты упряма. Дай тогда ответ:
Как выглядят вся эта блажь и бред
На трезвый и простой житейский взгляд?
Твои подруги и учителя,
Родители, родители друзей
Подумают впрямую о крейзе,
Сперва смеясь тихонько, а потом –
Крутя открыто у виска перстом.
И это всё: презренье и смешки,
Прилипшие навечно ярлыки –
Мол, эскейпист, а по-простому – псих –
За звёздный свет и за волшебный стих,
За мир, похожий на обрывок сна, –
Не слишком ли высокая цена?
Как, ты платить согласна?.. Видит Бог,
Тебя я отговаривал, как мог.
Но, видимо, судьбу не обмануть.
Тогда всё то, что я сказал, забудь.
Пред совестью своей теперь я чист.
Я сам уже семь лет как толкинист.
У нас тусовка... Да, по четвергам...
Да, в основном гитара, трёп и гам.
Придёшь? Ну, мне пора уже. Пока!
Тьфу, пятый раз у этого лотка!

1992

Лишь при свете звёзд оживает

Закон войны

Б.М.

Я прошу – промолчи.
Ни к чему о любви говорить.
Ведь сверкают мечи,
И земля под ногами горит.
Пепел кружит, как снег,
Поседела от пепла трава.
И, сгорев в том огне,
Стали дымом и прахом слова.

Зачем воителю любовь?
С него довольно и меча.
На это чувство рифма «кровь»,
А кровь красна и горяча,
А кровь дешевле, чем вода.
Закон войны суров и лют:
Не время говорить «люблю»,
Когда сигнал к атаке дан.

Я прошу – промолчи.
Ты не знаешь, чем кончится бой.
Может, смерть обручит
Нас сегодня навеки с тобой.
Холм могильный – постель
Нам на долгие тысячи лет.
Ворон-гость прилетел;
Словно лютня, поёт арбалет.

Зачем воителю любовь?
С него довольно и меча.
На это чувство рифма «кровь»,
А кровь красна и горяча,
А кровь остынет, почернев.
Закон войны суров и лют:
Не время говорить «люблю»,
Когда надежды выжить нет.

Я прошу – промолчи.
Все слова холодны, словно лёд.
А сердца – горячи;
Смерть огнём, а не тленом придёт.
Кровь расплавит клинок,
Вспыхнет, сердца коснувшись, стрела;
Догорит уголёк,
Унесётся по ветру зола.

Зачем воителю любовь?
С него довольно и меча.
На это чувство рифма «кровь»,
А кровь красна и горяча,
А кровь красна и горяча,
Закон войны суров и лют:
Не время говорить «люблю»,
А время говорить «прощай».

1993

Ворон

Мёртвые не знают
Ни стыда, ни славы,
Над землёй пылает
Закат кровавый.
Холодом могильным
Ночь повеет скоро,

И расправит крылья
Над полем ворон,
Хриплый крик уронит –
Словно захохочет.
А перо воронье
Чернее ночи.

Ворон накликает
Горести да беды,
Он всегда летает
За смертью следом.
Лязганье оружия –
Ворону отрада.
Он над битвой кружит
И ищет падаль,
Крыльями своими
Свет небесный застит.
Только над живыми
Ворон не властен.

1993

*В чёрном-чёрном лесу
На чёрной-чёрной горе,
Посреди чёрной-чёрной поляны
Стоит чёрный-чёрный дом.
Из его чёрной-чёрной трубы
Идёт чёрный-чёрный дым.
А у чёрной-чёрной печи
Стоят два чёрных-чёрных человека.
И один другому говорит:
«Вась, кончай резину жечь!»*

В глазах – страданье, вызов и печаль,
Покрыты ногти чёрным гляncем-лаком,
Туника – чёрный бархат – на плечах,
На голове венки из чёрных маков.

Ступает мягко чёрный сапожок,
И волосы летят ночным туманом.
«Не заживает на руках ожог,
И на лице не заживает рана!..»

О Чёрном Вала чёрной лютни плач,
О чёрных звёздах песнь, о чёрных птицах,
И хлопает крылатый чёрный плащ,
И чуть трепещут чёрные ресницы...

Меч чёрный, чёрный странник, чёрный круг,
Трон чёрный, чёрный дым Ородруина...
Как страшно почернело всё вокруг!
Послушай, Вася! Хватит жечь резину!

1993

Песня-птица

Кто мне скажет, то быть или небыль?
То ли прошлое, то ли мечты...
Помню синее-синее небо,
Белый город, фонтаны, цветы,
А вокруг меня – добрые лица.
Я так весел, беспечен и юн,
И парит надо мной песня-птица,
Вторя звону серебряных струн.

Так я пел о героях балладу.
Подошёл незнакомец ко мне,
Посмотрел мне в глаза – и от взгляда
Холодок пробежал по спине.

Он сказал: «Вы красиво поёте,
Только здесь вас навряд ли поймут:
Ведь герои теперь не в почёте,
Нет давно здесь ни войн и ни смут.

Это только в балладах и книжках
Всё так просто и вроде легко...»
Я тогда был наивным мальчишкой,
Бредил славой минувших веков.

И, уняв в своем сердце тревогу,
Я спросил: «И к чему этот спор?»
Он ответил: «Я знаю дорогу
В мир, где властвует Зло до сих пор.

Вы готовы со Злом тем сразиться
Острым словом и острым мечом?»
Я кивнул. Замолчав, песня-птица
Опустилась ко мне на плечо.

Человек усмехнулся лукаво
И за руку меня ухватил:
«Что ж, вперёд! Ожидает вас слава.
А оружие добудем в пути».

От ворот протянулась дорога
До границы земли и небес.
Мы по ней прошагали немного,
Обернулся я – город исчез.

За спиной моей тоже тянулся
Тракт – до грани небес и земли.
Проводник мой опять усмехнулся:
«Вы ведь сами со мною пошли».

Он был прав. Что я мог тут поделывать?
И за ним я покорно побрёл.
В небе солнце недвижно висело,
И кружил над дорогой орёл.

Был ли путь наш далёким иль близким,
Сколько длился он – счесть я не мог.
Помню огненно-жаркие искры
В кузне у перекрёстка дорог.

Там ковали оружие и латы,
Там звучала невнятная речь.
Там отдал я гитару в уплату
За тяжёлый сверкающий меч.
И дорога вновь лентою узкой
Нам под ноги стелилась, пыля.
Солнца свет стал вдруг серым и тусклым,
Серой коркой покрылась земля.
Среди поля сгоревших колосьев
Мы стояли. Горсть пепла в меня
Ветер, дымом пропитанный, бросил,
Горько плача, кого-то кляня.
И растерянно: «Что же мне делать?» –
Я спросил. Но услышал в ответ
Лишь молчанье. Вокруг поглядел я –
Ни дороги, ни спутника нет.
Лишь селенья сожжённого трубы
К серым тучам тянулись вдали.
Пересохли, потрескались губы,
Перепахались руки в пыли.
Зря в балладах, в сказаниях старых
Я поддержку и помощь искал:
Больше не было звонкой гитары,
Рассыпалась без смысла строка.
Закричав от тоски, как от боли,
Песня-птица вспорхнула с плеча,
И остались лишь ветер да поле,
Да у пояса – тяжесть меча.

1994

Песнь меча

Отсветы пламени и чад,
По стали молоты стучат,
В пар обращается вода
В момент рождения меча.
В узоре рунном – сила чар,
И в свете лунного луча
Голубоватым блеском льда
Сияет лезвие меча.
Рассвет в дыму, ветра горчат,
По пыльным травам кони мчат,
От нетерпения дрожит
В плену ножон клинок меча.
Рог протрубил – и замолчал.
Всё то, чем жил, забудь сейчас.
Позор и слава, смерть и жизнь
Теперь на острие меча.
А сталь не станет различать –
Рука подонка, палача,
Или защитника ладонь
Сжимает рукоять меча.
Над полем вороны кричат,
И кровь, красна и горяча,
Как алый солнечный огонь
Течёт по лезвию меча.
Слезами смыть с души печаль
И мирные труды начать
Ты не успеешь – новый бой
Уж предвещает звон меча.
Вся жизнь – тревоги по ночам,
Доспехов тяжесть на плечах,
И символом Эпохи Войн
Стоит над миром Знак Меча,
Звучит над миром Песнь Меча!

1994

Баллада о свече

Ночь длинна. Глухой, недобрый час.
Но горит, горит средь мрака пламя,
И прозрачным воском, как слезами,
Истекает тонкая свеча.

А огонь мелодией звучит,
В ней не слышно боли и печали.
Пламя золотистое венчает
Голову танцующей свечи.

«Истинная жизнь свечи – гореть,
Разгоняя мрак и холод ночи.
Пусть фитиль становится короче;
Светом стать – не значит умереть».

Дрогнет тонкий язычок огня,
Танец оборвётся, дунет ветер –
И лишь воск растопленный осветят
Блики наступающего дня.

...Вновь над миром нависает мгла,
Воздух с едким дымом перемешан;
Насмехаясь над свечой сгоревшей,
Тени выползают из угла:

«Мы теперь сильны! Настал наш час!»
...Но сияет пламя золотое,
Ярко-алым воском, словно кровью,
Истекает тонкая свеча.

1994

Шут и менестрель

Ты перед троном короля поёшь,
А я сажу на мраморных ступенях

И пристально смотрю в лицо твоё.
Обманчив свет свечей... Танцуют тени...

Где раньше видел я тебя? Во сне?
Твои черты до странного знакомы.
А ты поёшь о горе, о войне,
О вдовах, стариках, лишённых дома...

Войну я помню... Был убит отец,
Был дом сожжён, и мать скончалась рано.
Я помню, у меня был брат-близнец,
Да увязался за певцом-цыганом.

А я... Я стал шутом при короле,
Узнал, чем двор живёт... О боги, боги!
Я много раз уж горько пожалел,
Что не подох в канаве у дороги.

В подвалах тайных, где огонь и тьма,
Земля на локоть пропиталась кровью.
Чтоб не сойти от ужаса с ума,
Я выучился смеху и злословью...

Поёшь ты, глядя королю в глаза;
«Властитель, ты жесток!» – гласит баллада.
Вот так же я вчера ему сказал,
И пять плетей досталось мне в награду.

Рубцы от плети быстро заживут,
Не в первый раз мне получать побои.
Ты – менестрель, я – королевский шут;
Что общего меж мною и тобою?

Твоя судьба – гитара и венец
Лавровый иль терновый, честь и слава.
А мой удел – колпак да бубенец,
Да злых насмешек горькая отравка.

Тебе – дорога дальняя, а мне –
Лишь лабиринт дворцовых коридоров...

А ты запел балладу о стране,
Где ни вражды не знают, ни раздоров.

Как ты поёшь... Солёная вода,
Песчаный берег, ветер, крики чаек...
Я этого не видел никогда,
Так отчего ж душа полна печали?

И зал подёрнут странной пеленой,
Хоть я давно уж разучился плакать...
Пой, менестрель!.. Нет, замолчи, не пой:
Тебе грозит за эти песни плаха.

Ты смолк... Какая вдруг настала тишь,
Как будто в зале нас осталось двое.
Ты пристально в лицо моё глядишь,
Как в зеркало... как в зеркало кривое.
1994

Шут и принцесса

Я бродил, голодный и в лохмотьях,
У стены дворца, плющом увитой.
Помните, с какой огромной свитой
Ехал сам король в тот день с охоты?

На меня король наткнулся взглядом,
«Гнать бродягу!» – приказал небрежно.
Девочка на пони белоснежном
Закричала: «Папочка, не надо!»

А потом добавила с мольбою:
«Он совсем мальчишка... и забавный.
Нужен шут нам, ты сказал недавно.
Папочка, возьмём его с собою!»

Голосок так нежен был и светел:
«Скучно во дворце, играть мне не с кем...»

Уступил король капризам детским;
Так, моя принцесса, я Вас встретил.

...Плеск воды и вкусный запах каши,
И колпак дурацкий красно-чёрный
С бубенцом... Я стал шутом придворным,
А верней, шутом, принцесса, Вашим.

И не раз играл я вместе с Вами
В комнатах дворца, в саду и в башне.
Я был Вашим рыцарем бесстрашным,
Были Вы моей прекрасной дамой.

Ради Вас я убивал драконов
Или с великанами сражался.
По дворцовым залам рассыпался
Смех весёлый серебристым звоном.

Вы росли первойшей из красавиц,
Я же был худым и неуклюжим.
Для меня навряд ли было б хуже
Умереть от голода в канаве.

Золото волос и взор Ваш синий...
Нет спасенья от сердечной боли.
Я для Вас – всего лишь шут, не боле,
Вы же стали для меня богиней.

Много раз я начинал признанье –
И смолкал на полуслове в страхе.
Я боялся не кнута, не плахи,
А насмешки и непониманья.

Вот уж Вам исполнилось семнадцать,
И турнир был в Вашу честь устроен.
Там был принц прекрасный – смелый воин,
С ним никто не мог в тот день сравняться.

О, с каким восторгом откровенным
Вы на победителя смотрели!

Главный приз турнира – ожерелье
Он поднёс Вам, преклонив колено;

А потом сказал: «Увы, my lady,
На войну сейчас я ехать должен,
Но любовь к Вам (ты свидетель, Боже!)
Мне даёт уверенность в победе».

И отныне Вы – его невеста,
Он теперь – Ваш рыцарь благородный;
И его Вы ждёте из похода.
Я же – шут. Своё я знаю место.

Просите веселья? Рад стараться.
Не грустите, скоро он вернётся!
Слышите, как весело смеётся
Бубенец на колпаке дурачком?

1994

Эрик

Колода карт. Червонной масти цвет.
А на обложке – знак Единорога...
«С тобой мы враждовали много лет –
Так только братья ненавидеть могут.

Кто – ты или я – сильнее виноват
В том, что на целый мир проклятье пало?
А Чёрная Дорога сквозь Гарнат –
Как шрам от раскалённого металла.

Я знаю, ты вернёшься, чтобы мстить,
Но Янтарю грозит опасность, Корвин.
Не жди, я не скажу тебе «прости».
Но город пред тобою невиновен!

Взгляни – в огне, в дыму гора Колвир,
Врагам нет счета, вся страна в смятенье...»

Что это?.. словно тонет мир в крови.
«Брат Корвин, ты привёл войска из Тени.

Готовил слишком долго ты удар,
Тебе придётся драться не со мною.
Я умираю в битве за Янтарь.
Значенья не имеет остальное.

Врагам проклятье!» – Даже смерть сама
С лица улыбку-вызов не прогонит.
«Возьми...» – Кроваво-красный Талисман
Пульсирует, как сердце, на ладони.

1994

Чертовщина

Юный месяц на небе красуется,
Чуб казацкий лихо завертев.
Под окном на лавочке целуется
Парочка бесстыдников-чертей.

На чертовке мини-юбка веером,
Модные заколки на рогах.
Чёрт заткнул большие уши плеером,
На затылок сдвинута дуга,

Хвост мохнатый на конце повытерся...
Для нечистой силы – чем не жисть?
Выпили пивка, заели «Сникерсом»,
По асфальту банка дребезжит.

Что бы не смеяться – ночь погожая,
Да жильцы-старухи больно злы,
И грозятся из высокой лоджии:
«Ну-ка, кыш, рогатые козлы!

А не то полью святой водицею –
Давеч освятила у попа!

Сгинь отсюда, нечисть грязнолицая,
Не мешайте добрым людям спать!»

1994

Баллада о короле и лисе

Паром белым рвётся дыханье с губ
И сосульки на ветках деревьев звенят.
Мех огнёвки-лисы горит на снегу.
Хей, скачи, король, горячи коня!

Звонко бьют копыта коня о лёд,
Но он мчится и мчится, упасть не боясь.
След лисы в чащобу злую ведёт.
Хей, король, отстала свита твоя!

В чаще леса тёмной он заплутал,
А зимою дневная пора коротка.
Испугавшись теней в колючих кустах,
Сбросил конь короля, прочь ускакал.

А над лесом зимним выла пурга.
Проклиная себя и коня, и лису,
Брёл король куда-то во тьме наугад,
Был готов замерзнуть насмерть в лесу.

В жилах кровь, казалось, уж стала льдом,
Обмороженной маской застыло лицо.
Вдруг – поляна, на ней – о спасенье! – дом.
И король без чувств упал на крыльцо.

А потом отхлынули мрак и боль,
Когда лба его чья-то коснулась ладонь.
И, открыв глаза, увидел король
Белый платя шёлк и волос огонь.

Вздрогнул он, в глаза её поглядев, –
Словно в сердце вдруг острую сталь ощутил.

Он провёл в её домике целый день,
И хотел уйти, и не мог уйти.

Он молил её: «Поезжай со мной».
А в ответ – лишь улыбки печаль на губах.
«Королевой стань, стань моею женой!»
А она твердила: «Нет, не судьба».

Краткий зимний день подходил к концу,
Уходило холодное солнце с небес.
Белый конь короля подскакал к крыльцу,
Но король сказал: «Я останусь здесь».

Но коль ты нашел меня, верный друг,
Напоследок ты мне послужи ещё раз».
Но лишь сел он в седло – конь рванулся вдруг,
И поляна, дом скрылись вмиг из глаз.

Конь, узды не слушаясь, мчит вперёд,
Вот столицы врата открылись уже.
Короля приветствует двор и народ,
Отчего же радости нет в душе?

Поселилась в сердце злая тоска,
Словно в траур, король облачился в печаль.
Он в лесу пропадал и что-то искал,
И не мог найти, мрачнел и молчал,

По дворцу бродил, вздыхал тяжело,
И худел, и бледнел, как смертельно больной.
И решив – удобное время пришло –
Злой сосед пошёл на страну войной.

Рать была храбра, да слишком мала,
Вся в бою полегла, а вокруг – лишь враги.
Заливает глаза кровь и пот с чела.
Хей, король, спасай свою жизнь, беги!

На опушке леса пал мёртвым конь,
Окропилась трава кровью, словно росой.

Рыжий мех мелькнул среди кустов, как огонь,
И король побрёл вослед за лисой.

Позади сомкнулись ели, скрипя,
Он в знакомую дверь стукнул слабой рукой.
От касанья лёгких ладоней опять
Отступила боль и пришёл покой.

Уходило солнце за тёмный лес,
Он стоял на крыльце, не решаясь уйти.
А она молила: «Останься здесь,
Здесь враги не смогут тебя найти».

Но король ответил, скрывая грусть:
«Должен я за страну свою выйти на бой.
Я уйду, прости меня. Но я клянусь –
Коль останусь жив, вернусь за тобой».

Он собрал под знамя своё войска,
Он врага победил, править начал опять.
Но напрасно домик в лесу он искал,
И печаль в душе он не мог унять.

Он сидел, в окно устремив глаза,
И во взгляде – тоска, а на сердце – лишь тьма.
Кто-то намекнул, кто-то слово сказал,
Шепоток пополз: «Он сошёл с ума!»

И однажды, хмурым осенним днём,
Сын сестры короля резко дверь открыл
И сказал: «Ты не можешь быть королём!»,
А в ответ: «Тебе нужен трон? Бери».

И ушёл, не взяв ни меч, ни коня,
В чащу леса вошёл он по лисьим следам.
Нежно глядя волосы цвета огня,
Он шептал ей: «Я пришел навсегда».

1995

Трава

Нынче выдалось чудное лето
После долгой холодной зимы.
Только нам наплевать на это,
Мы сражаемся против целого света,
Против Света, и Тени, и Тьмы.

Нынче выдалось чудное лето,
Травы вымахали до плеч.
Только нам наплевать на это,
Нам не птица поёт – тетива арбалета,
И дорогу проложит нам меч.

Почему мы воюем со всеми? –
Потому, что иначе нельзя,
Потому, что такое время.
Мы отважное, сильное, гордое племя,
И лишь сами себе мы друзья.

Мы идём от селенья к селенью,
От зари мы шагаем к заре.
Люди – словно в костре поленья,
Пусть сгорают в пожаре войны поколенья,
Чтобы мы могли руки согреть.

Мы мужали, не зная уюта,
Взгляды – пламя, а души – как лёд.
Трудно нынче нам почему-то,
Словно стала земля вдруг врагом нашим лютым
И мешает идти нам вперёд.

Травы – чащею непроходимой,
Но пройдем мы, те травы топча.
Звёзды скроются в тучах дыма.
Мы уверенны – значит, мы непобедимы,
Мы уверены в силе меча.

Луг цветущий, шмелей перепевы...
Из травы в человеческий рост

Нам навстречу шагнула дева,
Благородно-прекрасная, как королева,
И в короне из огненных кос.

Золотисто-зелёное платье,
И глаза зеленее хвои.
Молвит нам она тихо: «Хватит.
Вы несёте лишь смерть. Вам за это оплатит
Жизнь сама по законам своим».

Но в ответ рассмеялся я грозно,
Меч занёс над её головой.
Задрожал и сгустился воздух,
И рванулись бежать мы в испуге, но поздно –
Стало всё наше войско травой...

Небо золотом красят рассветы,
И трава на ветру шелестит:
«Кто преступит жизни заветы,
Будет жизнью самою наказан за это...
Нынче чудное лето... Прости...»

1995

После боя

Не чувствуешь во время битвы ран,
Лишь опьяняет кровь в горячке боя.
В руке – клинок, а в голове – дурман,
И ты, хмельным вином сраженья пьян,
Не знаешь ни усталости, ни боли.

Отпели стрелы, отзвенела сталь,
Без седоков по полю бродят кони.
И ты вдруг замечаешь, что устал,
И меч как будто вдруг свинцовым стал,
И рукоять его скользит в ладони.

И солнце в небе – чёрно-алый шар –
Пульсирует неровными толчками,

И отчего-то тяжело дышать...
Ты падаешь, неверный сделав шаг,
В траву, в песок или попросту на камень.

Так рвётся, отзвенев уже, струна,
Так падает сосна при полном штиле.
Страшней, чем гром сраженья, тишина.
Ты тонешь в чёрном омуте без дна,
В затишье задыхаясь, как в могиле.

И лекарь, наклонившись над тобой,
С сомнением качает головою:
«Эх, люди, что творите вы с собой...»
Как часто убивает нас не бой,
А тишь, что наступает после боя...

1995

Памяти Средиземья

Нет никаких миров, кроме этого мира,
Нет их, нет, и не надо.
Пятна мазута, как чёрные дыры,
На глади озёр, дышавших прохладой,

Серая пыль – там, где ручьи текли,
И на полянах – чёрные пятна костров.
Вот и всё, что мы в этот мир принесли,
В этот мир и в любой из миров.

Как мы искали мир, где трава зелена,
Мир, где в манящую даль убегают дороги,
Мир, где золотое солнце, серебряная луна,
Мир, где не тонут звёзды в удушливом смоге.

Пусть понарошку, в игре, но мы отыскали
Мир, где различны понятия – Зло и Добро,
Мир, где дружба прочнее камня и стали,
Мир, где любовь прекраснее, чем серебро.

Пусть понарошку, в игре, но мы отыскали...
А почему понарошку? Тот мир, в наших душах,
В наших мечтах живущий, – гораздо реальной,
Чем этот мир, будничный, серый и душный.

Видимо, что-то такое в сердцах наших есть,
Если из комнат уютных бежать мы готовы
Вслед за звездой и за музыкой вслед, если честь –
Это не просто красивое громкое слово.

Пусть разделяет нас бритвенно-острая грань
Света и Тьмы... Разделяет? Да нет, это маски.
Лица под ними добры. Это просто Игра.
Нет у причин для вражды у Поверивших В Сказку.

Можно в игре быть и коварным и злым,
Только нельзя по жизни быть подлецом.
Но то ль лицо под маской стало иным,
То ли маска настолько срослась с лицом.

Пусть кто-то честен, силён, умён и отважен –
Бей его в спину, издали, исподтишка.
Если можно в игре твоему персонажу,
Значит, можно тебе, по жизни... слегка.

Но чтоб запачкаться – раз лишь довольно упасть.
Стронуть лавину – достаточно камешек бросить.
Наши разборки, нашу борьбу за власть –
Всё, от чего мы бежали, в тот мир мы приносим.

Сплетни и зависть, подлость и мелкие дразги –
Ржавчиною на клинке и на пергаменте ложью.
Воды прозрачные рек становятся грязью,
Серым становится Чёрное, Белое – тоже.

Тихо вползают, как серые призраки, тени,
Серым бетонным на души ложатся надгробием.
Нет, мы тот мир не разрушим – мы только изменим,
Только изменим его по образцу и подобию.

После же скажем, что всё это – глупая блажь,
Тьма – ерунда, и нелепая выдумка – Свет.
Скажем, что тот мир такой же точь-в-точь, как и наш,
А значит, другого мира попросту нет.

В мире реальном уютны квартиры,
Он в асфальт и бетон одет.
В сером небе – пустые дыры
Вместо звёзд и планет.
Нет миров, кроме этого мира,
Нет никаких миров, нет...

1995

Отпустите меня домой!
В пёстрой суতোлке карнавала
Я куда-то бреду устало,
Я хочу обрести покой.
Здесь веселье бурлит рекой,
Здесь звенят, не смолкая, песни,
Только душно мне здесь и тесно.
Отпустите меня домой.

Отпустите меня домой,
В дом, где жили отец и мама,
Во дворе у ограды самой
Старый клён шелестит листвою,
Свечи вечером спорят с тьмой,
И в окладе посеребрённом
На божнице блестит икона...
Отпустите меня домой.

Отпустите меня домой.
Пусть приветливы ваши лица,
Я устал уже веселиться,
И срывается голос мой.

Эх, веселье – как дым хмельной!
Я свое отгулял – и будет.
Я прошу вас, добрые люди, –
Отпустите меня домой!
Отпустите меня домой!
Я пойду под широким небом
Вслед за ветром, пахнувшим хлебом,
По дороге длинной прямой.
Я приду по дороге той
К двум могилам под чёрным клёном,
Из-под пепла блеснёт икона...
Отпустите меня домой!
Отпустите меня домой...

1995

Апокалипсис от оборотня

Внемлите тревожному зову,
Зловещему рёву внемлите!
То Зверь объявился снова.
Гоните его, гоните!
Воистину, Зверь этот страшен –
Исчадие адского гнева.
Разрушит селенья ваши,
И вытопчет все посевы.
Несите же острые колья,
Несите же меткие стрелы!
Пусть корчится Зверь от боли –
Дома ваши будут целы.
Швыряйте в него камнями,
Кидайте горящие ветви!
Пускай вы умрёте сами,
Зато уцелеют дети.

71

Гоните его что есть силы!
Пусть жалобно воеет и хнычет,
Но плачут и крокодилы,
Готовясь пожрать добычу.

Хитёр этот Зверь и коварен,
Но я заклинаю не верить
Слезам этой злобной твари.
Гоните и бейте Зверя!

Глаза его алого цвета,
И пасть истекает слюною...
Гоните чудище это,
Что было когда-то мною!

1995

«Пели-пели...»

Пели-пели менестрели
О себе, любимых:
«Струны лютни отзвенели
Средь огня и дыма,
Песни плачут, стонут стрелы,
Вынут меч из ножен...»
Пели-пели менестрели
О себе, хороших.
Пели-пели менестрели
О себе, хороших:
«Заметают путь метели,
Плащ в пыли дорожной,
Через горы и ущелья
Мы бредём, скитальцы...»
Пели-пели менестрели
О себе, страдальцах.

72

Вот город впереди. В воротах хмурится
Усатый стражник, прячась от дождя.
Здесь можно целый день бродить по улицам,
Болтать в трактирах, петь на площадях...

А стражник – он не месит грязь дорожную,
Стихов не пишет, песен не поёт –
Он мокнет на посту своём положенном
Или в жару с лица стирает пот.

Осточертело всё – вино, бессонница,
Ремень казённый, что сдавил живот,
Жена-мегера, глупая любовница,
Градоначальник – толстый идиот...

Тоску наводит утро непогожее,
Текущая за шиворот вода,
И странники постыли – птички божии,
Что ни забот не знают, ни труда.

Пусть бродят по земле, пусть ищут странного,
Пусть видят смысл жизни в миражах...
А стражник не пропустит в город странника,
Чтоб не ввергал в смущенье горожан.

1996

Легенда о вечной любви

Их любовь была похожа на легенду...

А.Каковиди

Может быть, эта легенда лжёт?..

Он сказал: «Я вернусь». Она его ждёт.

Ниенна

Так ли было, а может, иначе –
Кто за это вам поручится?
Подмигнул музыкант бродячий
У окна сидящей девице.

–Ты прекрасна и взор твой светел! –
Крикнул он и потопал дальше,
На ходу свиристя на флейте
И ничуть не смущаясь фальши.

Улыбалась она счастливо,
Глядя вслед ему на дорогу.
А была она некрасивой,
Сумасшедшей слыла немного –
Ведь назвать не хотела мужем
Никого из парней в деревне.
Ей такой был любимый нужен,
Как в легендах и песнях древних.

И теперь шалопай-бездельник
Для неё стал героем песни...
К ней посватался было мельник –
Небогатый, но малый честный.
Отказала она, ответив:
«Я любовь отдала другому.
Он вернётся сквозь дождь и ветер.
Не могу я уйти из дома!»

Мельник лишь усмехнулся криво:
Для мозгов, дескать, ветер вреден, –
А в субботу за кружкой пива
Рассказал обо всём соседям.
Разнесли они по округе
На потеху честному люду –
Мол, послушайте, добры други,
Что у нас завелось за чудо!

И пошли вереницей сваты –
Кто для смеху, а кто-то на спор,
Кто-то хочет хозяйку в хату...
Только сватались все напрасно.
У дверей она их встречала,
Словно родичей и знакомых,

Но по-прежнему отвечала:
«Никуда не уйду из дома!»
Уходя ни с чем, меж собою
Всё рядили они, гадали:
То ли воина ждёт из боя,
Моряка ли из странствий дальних?..

Слух всё рос. То начнёт по пьяни
Кто-то байку: «А слышал, дядя,
Как красавица в глухомани
Ждёт кого-то, в окошко глядя?»
То расскажет купцам проезжим
Пожилая вдова солдата,
Что живёт, мол, в углу медвежьем,
Не старея, невеста чья-то.

Докатился слух до столицы,
Менестрель сочинил балладу,
Перед тронем исполнил в лицах,
Золотой получив в награду.
И внимая высокой теме,
Кто вздыхал, а кто носом шмыгал.
Дамы ахали: «В наше время –
И как будто в старинных книгах!
Это надо ж – такая верность!..»
Так легендою стали слухи.
...Он убит был в порту, в таверне,
Из-за пьяной смазливой шлюхи.
А она умерла зимою,
Угорев у дымящей печи.
И остались в легенде Двое –
Он и Та, Что Ждёт Его Вечно.

1996

Ни о чём

И песня моя – почти ни о чём...

Тэм Гринхилл

Песня ни о чём над землёй кружит...

Лин

Я был безобидным бродячим певцом,
Но как-то на площади перед дворцом
Я вспомнил, что правит страною злодей,
Убийца, палач, душегуб, чародей.
Я в двери дворца постучал кирпичом,
Подумав: «Войду и спою. А о чём?»

«Ты кто?» – «Менестрель», – так я гордо сказал,
И был я допущен в сияющий зал.
Колдун-повелитель на троне сидел.
Вошёл я, а он на меня поглядел
И взором меня ослепил, как лучом.
Вспотел я и думать не мог ни о чём.

Сюда я пришёл, чтоб владыке в глаза
Всю горькую правду бесстрашно сказать:
Ведь в песнях своих не умею я врать...
Но вдруг он за правду велит покарать?
И ладно бы только пинком иль бичом...
Вздыхнул и запел я – почти ни о чём.

Без смысла сплетал я в куплеты слова –
Рука не устала, пуста голова...
Запутался я, потерял всякий толк,
Владыке в лицо посмотрел – и умолк:
Он бледен, как мел, слёзы льются ручьём.
О чём же я пел? Да почти ни о чём!

Воскликнул он горестно: «Тяжкий удел –
Выслушивать всё, что сейчас ты напел!
И ты ведь такой идиот не один!..
Ты сам на престоле моём посиди,

Вес мантии царской попробуй плечом –
Вот плата за песню почти ни о чём!»

Он встал, колдовские слова произнёс –
И сел я на трон, и к сиденью прирос.
А он удалился, смеясь надо мной...
И стал я владыкой, и правлю страной,
Красуюсь пред войском с парадным мечом
И даже не помню почти ни о чём.

Но видится мне еженощно кошмар,
Такой, что бросает то в холод, то в жар:
Мне снится, как будто пришёл во дворец
Какой-то нахальный бродячий певец,
За что-то меня обозвал палачом
И песню запел – ну совсем ни о чём!
1996

Ночь на Игре

У дороги два конца,
А начала вовсе нету.
Если эльфам – Три Кольца,
Это значит снова лето.

Травы пьяные в цвету
За Уральскими горами,
Искры гаснут на лету
Над высокими кострами...

Сидя с кружкой в руке,
Обжигашь чаем горло.
Кто-то плещется в реке –
То ли рыба, то ли Горлум.

Если в Ангбандском венце
Ярко светят три плафона,

Значит, думать о Кольце
Рановато Саурону.

Кто за Тьму и кто за Свет –
Отдыхают в эту пору.
Здесь поют «А Элберет..»,
Там кричат «акбар» Мелькору.

А на всей земле идёт
Эру весть, что за Эпоха,
И ещё какой-то год...
Только нам и здесь неплохо.

Пляшут языки костра,
Вьётся огненная вьюга...
Если наша жизнь – Игра,
То не жить нам друг без друга.
1996

Сотворение реальности

Будет летняя ночь короткой –
Так начнём же веселье наше!
Станет снова кружкой-«сироткой»
Поутру золотая чаша!

Серебром звенящая лютня
Вновь облезлой станет гитарой,
И под натиском серых будней
Разобьются звёздные чары.

Потеряют блеск самоцветы,
Обратятся в жестянки латы.
Как в легенде, с лучом рассвета
Станет мусором эльфов злато.

Кто попробовал мирувора –
Утром будет и злым, и пьяным.

Поутру сыны Феанора
«Феанорками» снова станут.

Кто-то спать поползёт, зевая,
Кто-то мыть побредёт посуду...
Лишь при свете звёзд оживает
Мир сказаний, видений, чуда.

Эту сказку мы не удержим,
И она улетит, растает...
Звёзды стали тусклей и реже,
Закатилась луна... Светает.

Но похмельным угаром мутным
Не становится дым сказаний.
Это струны – гитары? лютни? –
Цепью прочной мира связали.

Это голос певца усталый
Сплёл реальность с ночными снами.
Это время пришло к началу –
Мир, что песней рождён, пред нами.

Мы поверить ещё не можем,
Мы привычной опоры ищем.
Но взгляни: этот мир моложе,
Солнце ярче и краски чище.

Посмотри – на востоке горы,
Словно в сказке, воздвиглись за ночь.
Имя «Маглор сын Феанора»
Здесь уместнее, чем «Рязаныч».

1996

Повесть о...

(Б.,К.,Р.)

Пишет грустные пьесы по старым романам Сегодня.
Не угодно ль узнать вам о том, что Айвенго Отважный

Поселился во Граде Святом подле Гроба Господня?
А точней, в государстве Израиль... Но это неважно.

Кто сказал, будто верность сильнее разлуки и смерти?
Кто сказал – для любви нет препятствий

непреодолимых?

Кто сказал... Только кто б ни сказал – всё равно

вы не верьте:

Ведь уже пятый год писем нет из Иерусалима.

Все обеты и клятвы по ветру развеялись дымом.
Уезжающим – новая жизнь, остающимся – горе.
Солнце южных земель горячеей поцелуев любимой,
И любых женских слёз солоней воды Мёртвого Моря.

А на севере снова с деревьев листва опадает,
Слёзы льёт о несбывшемся дождь шелестящий осенний.
И с усмешкой блондинка Ревека на картах гадает
На любовь и на жизнь черноокой печальной Ровене.

1996

Звездопад (битва при Эндоре)

*А с небосклона
Бесшумным дождём*

Падали звёзды...

В.Высоцкий

Если падает звезда – значит, кто-то умер.
(примета)

Мне этот день не забыть нипочём:
Было сраженье грозным,
В чёрном пространстве бесшумным дождём
Падали звёзды.

Ярко расцветили космоса ночь
Лазерных вспышек нити,

Смерти Звезда, как слепое пятно –
Прямо в зените.

В битве под этой зловещей Звездой
Стоит ли ждать удачи?
Только нельзя нам не выиграть бой –
Как же иначе?

Как в фейерверке огня мошкара
Кружатся эскадрильи.
Вспышка – и стали пилот и корабль
Звёздною пылью.

Были секунды длины, как года...
Взрыв полыхнул беззвучно –
Стала сверхновой Смерти Звезда,
Огненной тучей.

Вот и салют прочертил облака
Огненно-ярким следом,
Но не могу я поверить никак
В нашу победу.

После истории пусть воспоют
Славу и честь героям,
Только из дюжины в этом бою
Выжили трое.

Выстрел шальной опалил мне крыло,
Двигатель тянет еле,
Но всё равно нам с тобой повезло –
Мы уцелели.

Ты под счастливой звездой рождён –
Что ж на ресницах слёзы?
Падали звёзды бесшумным дождём,
Падали звёзды...

1996

Из библиографии Марины Авдониной

1988

Прощание у старта : [стихи] / Марина Авдониная // Сельская правда. – 1988. – 16 апреля (№ 46/47). – С. 6.

1989

Прощание у старта ; «Когда друзей теряешь, плакать можно...» ; «Брось перед стартом на Землю взгляд...» ; «В песках на далёкой планете...» ; «Снегом белым засыпано поле...» : [стихи с коммент. авт.] / М. Авдониная // Альманах клуба «Контакт» / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 1987–1989. – № 2. – С. 27–34.

1991

Баллада о НЛО : [стихи] / М. Авдониная // Пресс-курьер. – 1991. – 26 марта – 1 апреля. – С. 8.

Малина для мёртвых (монолог убитого орка) ; Ночь перед битвой ; Осень забвения ; Песня о песне : [стихи] / Марина Авдониная // Фантастическая газета. – 1991. – № 1. – С. 30.

Переправа ; Малина для мёртвых (монолог убитого орка) : [стихи] / Марина Авдониная // Путь к Валинору. – 1991. – Ноябрь (№ 2–3). – С. 5.

1992

Койре («Пробуждение») ; Эовин ; Нольдор ; Маэдрос : [стихи] / Марина Авдониная // Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» : абонемент, 1992–1993 гг. – Новокузнецк, 1992. – С. 13–16.

Следопыты : [стихи] / Марина Авдониная // Кузнецкий рабочий. – 1992. – 29 февраля (№ 41). – С. 4.

1993

Песня ; Следопыты ; Воспоминание : [стихи] / Марина Авдониная // Твои проблемы. – 1993. – Апрель (№ 8). – С. 5.

1994

Песнь меча : [стихи] / Эльрин // Талисман. – 1994. – Май (№ 3). – С. 19.

Плач по мечу : [стихи] / Рин // Талисман. – 1994. – Май (№ 3). – С. 16.

1995

Альтернатива ; Зачин ; Возвращение : [стихи] / Ринэль // Зелёное солнце. – Москва, 1995. – С. 15, 27, 34–35.

1997

Ночь перед битвой ; Песня о песне ; Осень забвения : [стихи] / Ринэль // Меч и лютия : [сб. стихов]. – Томск, 1997. – С. 14–15, 21–22, 40–42.

Певец ; Тревога ; Песня неприкаянности ; Следопыты ; Переправа на Андуине ; Память о войне ; Воспоминание ; Осень забвения ; Койре («Пробуждение») ; Эовин ; Нольдор ; Маэдрос ; Митлонд ; Альтернатива : [стихи] / Марина Авдониная // **Узор волшебных снов** : поэзия «Контакта». – Новокузнецк, 1997. – Ч. 1. – С. 7–10, 48–63.

Противостояние : баллада о чёрно-белом песке / Марина Авдониная // **Узор волшебных снов** : поэзия «Контакта». – Новокузнецк, 1997. – Ч. 2. – С. 28–30.

2000

Песня о небыли ; «Рукописи не горят...» ; Закат над Юшутом ; Апокалипсис от оборотня ; Без души ; Денна – Инглору и Леголасу ; Певец ; Переправа на Андуне ; Следопыты : [стихи] / Марина Авдониная // Альманах клуба «Контакт» / сост. – Н. Калашников. – Новокузнецк, 2000. – № 3. – С. 111–117.

2001

Ветры иных миров : стихи / Марина Авдониная. – Новокузнецк, 2001. – 17 с. – Содерж.: **Ветры иных миров** : Песня о небыли ; «Отпустите меня домой!..» ; Гадалка ; Ещё одна легенда о вечной любви ; Город радости ; «Ты себя неразумно ведёшь...» ; **Менестрельбище** : Пели-пели ; Ни о чём ; Стражник и странник ; «Рукописи не горят...» ; Если... ; **Всё в этом мире – игра...** : Ночь на игре ; Сотворение реальности ; Калиновое вино ; Закат над Юшутом ; **Стояли звери около двери...** : Апокалипсис от оборотня ; Степная быль ; «**Девять – людям Средиземья...**» : На грани ; Назгулы в Москве ; Без души ; Дорога на Амон-Ланк ; Денна – Инглору и Леголасу ; Назгул и смерть.

Песня о небыли : [стихи] / Марина Авдониная // Губернские ведомости. – 2001. – 19 мая (№ 83). – С. 3.

2010

Стальное сердце ; Песни ветра ; Баллада о свече ; Звездопад (битва при Эндоре) ; Гражданская война ; Виртуалы ; Песня-птица ; Шут и менестрель ; Знак меча ; Полигон ; Фильму «Властелин колец» ; Предсказание : [стихи] / Марина Авдониная // **На руках луна свернулась** : стихи / сост. и отв. за вып. – Калашников Н. Н. ; Муницип. учреждение Централизованной библиотечной системы им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010. – С. 3–13.

2011

Воспоминания Урук-Хай (Марины Авдониной) о ХИ-90 / Марина Авдониная // Моё королевство. – 2011. – Март (№ 38). – С. 23–29. – Воспоминания с ХИ-90.

2016

Законы сказки : [стихотворение в прозе] / Марина Авдониная // **Тропинка в лесу** : проза «Контакта» / сост. – Калашников Н.Н. ; Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 67–68.

Чертовщина ; Плач по тополям ; Ночной закат ; Девочке, покупающей «Властелина колец» с книжного лотка ; Толкинистский монастырь ; Гражданская война : [стихи] / Марина Авдониная // **ЗАМЕНИТЬ ушедшего – собой!** : поэзия «Контакта» / сост. – Николай Калашников ; Центр. гор. б-ка им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – С. 3–7.

В интернете с творчеством Марины Авдониной можно познакомиться на сайте Арда-на-Куличках в каминном зале Ривенделла <http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal>

Содержание

Бражникова Е. О Марине Авдониной	4
Если ты не вернёшься назад	
Прощание у старта	6
«Когда друзей теряешь, плакать можно...»	6
«Брось перед стартом на Землю взгляд...»	8
«В песках на далёкой планете...»	11
«Снегом засыпано поле...»	13
Баллада о НЛО	14
Если наша жизнь – Игра	
Малина для мёртвых	16
Песня неприкаянности	17
Переправа на Андуне	18
Осень забвения	19
Певец	20
Ночь перед битвой	21
Память о войне	22
Песня Леголаса	23
Возвращение с Игры	24
Ночью после боя	25
Стальное сердце	27
Митлонд	27
Гавань	29
Следопыты	30
Затишье	31
Плач по Боромиру	33
Воспоминание	34
Тревога	35
Плач по тополям	36
Эовин	37
Плач по мечу	38

Баллада о чёрно-белом песке.....	38
Маэдрос	40
Нолдор	41
Феанор	42
Лаурелин и Тельперин	43
Альтернатива	44
Песни ветра	45
Койрэ	46
Намариэ	47
Девочке, покупающей «ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ» с книжного лотка	48
Лишь при свете звёзд оживает	
Закон войны	50
Ворон	51
«В глазах – страданье, вызов и печаль...»	52
Песня-птица	53
Песнь меча.....	56
Баллада о свече	57
Шут и менестрель	57
Шут и принцесса	59
Эрик	61
Чертовщина	62
Баллада о короле и лисе	63
Трава	66
После боя.....	67
Памяти Средиземья	68
«Отпустите меня домой!..»	70
Апокалипсис от оборотня	71
«Пели-пели...»	72
Гадалка	73
Стражник и странник	74
Легенда о вечной любви	75
Ни о чём.....	78
Ночь на Игре	79

Сотворение реальности.....	80
Повесть о... ..	81
Звездопад.....	82
Из библиографии Марины Авдониной.....	84

На первой странице обложки – рисунок Елены Кукановой
Тираж – 50 экз.